

С.Г. Кирдина-Чэндлер

д.социол.н., Институт экономики РАН, Москва

ЗАПАДНЫЕ И НЕ-ЗАПАДНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ*

Аннотация. В XXI в. становится все более очевидным изменение конфигурации мировой политико-экономической структуры. Повестка международных мероприятий современных институционалистов, на которых продолжают интеллектуально доминировать представители Большой четверки (США, Великобритании, Германии и Франции), с тревогой фиксирует «серьезные сбои в глобальном балансе политико-экономической власти». Рост экономик Востока (прежде всего Китая и Индии) и усиление политической роли России, с одной стороны, и растущее социально-экономическое неравенство в крупнейших развитых экономиках, с другой, оспаривают лидерство западной институциональной модели экономического развития. Становится очевидным, что эта модель не только не имеет универсального характера, но и не демонстрирует столь очевидных преимуществ, как это считалось ранее. В то же время международные вызовы, связанные с необходимостью поддержания мира, развитием мировой торговли и требованиями консолидированной международной реакции на изменения климата, требуют все большей интеграции на глобальном уровне. В этих условиях понимание институциональных особенностей обоих полюсов возвращающейся биполярности мира становится не только задачей научных поисков, но и приобретает необходимое практическое значение. В данной работе биполярность понимается как постоянная представленность в мировом масштабе двух групп стран, отличающихся своим институциональным устройством, что фиксируется общим термином «западные и не-западные модели». Статья посвящена анализу содержания, факторов становления и хронологии сосуществования государств, для которых характерны эти институциональные модели. Представления об экономико-политических особенностях западных и не-западных моделей можно найти во многих работах. В статье мы отметим труды К. Маркса, К. Виттфогеля, К. Поланьи, В. Ойкена, Я. Корнаи и С. Роузфилда. Среди работ последних лет наиболее резонансными являются теория порядков свободного и ограниченного доступа (Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст) и теория инклюзивных и экстрактивных институтов (Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон). Особенности и ограничения этих теорий будут кратко рассмотрены.

Однако в своем анализе мы будем опираться не на рассмотренные концепции, а на подход, основанный на теории институциональных матриц, или X- и Y-теорию. В ней западные институциональные модели характеризуются преобладанием институтов Y-матрицы – рыночной экономики, федеративной политической структуры и индивидуалистической идеологии. Не-западные модели отличаются доминированием институтов X-матрицы – редистрибутивной экономики, унитарно-централизованной политической структуры и коммунитарной идеологии.

В статье впервые обобщены результаты двух взаимосвязанных исследований на выборках стран с преобладанием X- и Y-матрицы. Работы были проведены под руководством автора в 2014–2017 гг.¹ В первом исследовании изучалось влияние географических факторов на институциональное развитие государств. Методами интеллектуального анализа данных были проанализированы 115 статистических показателей для выборки стран с не-западными и западными институциональными моделями – в терминах теории институциональных матриц они называются X- и Y-странами (n= 65). Исследование выявило достоверное влияние климатических характеристик на размещение в пространстве государств с доминированием X- и Y-матрицы. Установлено, что на территориях с относительно мягкими климатическими характеристиками (оптимальные температура воздуха и уровень осадков), а также с невысокими рисками природных катастроф, складываются государства с доминированием Y-институтов, т.е. для них характерны западные институциональные модели. В свою очередь, на территориях, где отмечаются высокие амплитуды в уровне осадков и температуры воздуха, а также там, где средние температуры слишком высокие или слишком низкие, как и уровни осадков, а риски природных катастроф довольно высоки, исторически преобладают институты X-матрицы, т.е. доминируют не-западные институциональные модели.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-02-00207).

¹ Автор выражает искреннюю благодарность за слаженную совместную работу участникам этих проектов А.В. Верникову, А.И. Вольнскому, Е.В. Камко, И.Л. Кирилкову, М.С. Кругловой, А.В. Кузнецовой, О.В. Сенько, Г.М. Соколову, А.А. Рубинштейну, а также В.И. Маевскому за полезные консультации в ходе работы.

Во втором исследовании сопоставлялась долгосрочная динамика валовых внутренних продуктов, произведенных X- и Y-странами. Была использована база данных Мэдисона (панельные данные за 1820–2016 гг.) Расчеты проведены на выборке X- и Y-стран (n=21), которые производили за все исследованные годы 75–85% мирового ВВП. Сопоставление данных позволило увидеть циклический процесс изменения мирового лидерства, выраженного в преобладающей доле производства мирового продукта. В 1820-х гг. X-страны лидировали в производстве мирового ВВП. С 1870-х гг. начинается доминирование Y-стран, которые стали производить более половины всего мирового валового продукта. Наибольший разрыв между этими двумя группами стран наблюдался в 1950–1960-е гг., а в 1970-х гг. он начал сокращаться. После 2008 г., по данным наших выборочных исследований, X-страны по сумме ВВП начинают превосходить Y-страны, и этот разрыв постепенно увеличивается.

В заключении отмечается, что наблюдаемый в последнее десятилетие слом тренда доминирования государств с западными институциональными моделями сопровождается радикализацией в этих странах общественного сознания, а также ростом международной напряженности.

Ключевые слова: теория институциональных матриц, X-Y-теория, западные и не-западные институциональные модели, институциональный подход, эволюционный подход, сравнительный анализ экономических систем, мировой экономической порядок.

Классификация JEL: B52, B31, C12, F02, P51.

Введение

Уже в первом номере нового журнала «Вопросы экономической теории», который стал издаваться с конца 2017 г., немало страниц посвящено анализу тех актуальных задач, которые стоят перед современной политэкономией. Среди них: поиск рецептов преодоления усиливающегося социального неравенства [Воейков, 2017]; изучение механизмов формирования и развития институтов, в том числе для хозяйственных систем, отличающихся в институциональном отношении от рыночной экономики [Некипелов, 2017. С. 31]; снижение негативного влияния доминирующих идеологий на научные разработки [Полтерович, 2017]. Этот перечень можно дополнить еще одной проблемой – анализом изменений в конфигурации мировой экономики. Они вызывают «серьезные сбои в глобальном балансе политико-экономической власти» – именно так описывается современная ситуация в повестке очередной 5-й конференции Международной междисциплинарной сети институциональных исследований (World Interdisciplinary Network for Institutional Research), названной «Институты и будущее глобального капитализма»². Тревога современных политэкономов и институционалистов, среди которых ведущую роль по-прежнему играют представители Большой четверки (США, Великобритании, Германии и Франции), т.е. стран Запада, вполне понятна. С одной стороны, усиливается экономическая мощь государств Востока (прежде всего Китая и Индии) и возрастает политическая роль России, что бросает вызов ставшему привычным глобальному доминированию Запада. С другой – осознается и критикуется растущее социально-экономическое неравенство в крупнейших развитых экономиках, о чем свидетельствует мировой успех 700-страничного бестселлера Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке». Рост неравенства сопровождается усилением недовольства населения указанных стран по поводу внутренней экономической ситуации последних лет.

Данные факты оспаривают лидерство западной институциональной модели экономического развития. Становится очевидным, что эта модель не только не имеет универсального характера, но и не показывает столь очевидных преимуществ, как это считалось ранее. Заявляют о своей жизнеспособности и перспективности иные модели, которые принято называть не-западными. Похоже, мир снова становится биполярным, и это заставляет внимательнее отнестись к сопоставлению альтернативных сосуществующих

² winir.org/?page=events&side=winir_2018.

моделей, анализу факторов их становления и развития. На наш взгляд, именно понимание «другого» дает надежду на необходимый международный диалог, который так значим сегодня. Он нужен для поддержания мира, развития мировой торговли на благо всех государств, адекватной реакции на изменения климата в планетарном масштабе. Настоящая статья – это определенный вклад в решение задачи понимания особенностей исторически сосуществующих западных и не-западных институциональных моделей, которое могло бы способствовать такому диалогу.

Она состоит из четырех частей и заключения. В первой части излагаются некоторые подходы к изучению двух типов экономико-политических систем, которые мы обобщаем в понятиях «западные» и «не-западные» институциональные модели. Во второй эти модели рассматриваются с точки зрения теории институциональных матриц. Третья часть посвящена изложению результатов исследования о влиянии географических факторов на становление того и другого типа моделей, что определяет их размещение в пространстве. В четвертой представлены некоторые данные о хронологии сосуществования государств, для которых характерны эти институциональные модели, что позволяет высказать гипотезу о циклической смене лидирующего положения западных и не-западных стран. В заключении будет отмечено влияние происходящих изменений в конфигурации мировой политико-экономической структуры на рост международной напряженности и радикализацию общественного сознания.

1. О западных и не-западных институциональных моделях: немного истории

Для сторонников экономического мейнстрима естественным было и есть представление о рыночной экономике как «универсальной форме экономического устройства» [Некителов, 2017. С. 23]. Крушение социалистической системы лишь укрепило его.

Однако за пределами мейнстрима, например, в классической политической экономии, экономической истории или в рамках гетеродоксальных направлений экономической мысли, исследователи демонстрируют более широкие взгляды и указывают на наличие не одного, а двух типов доминирующих экономических моделей, которые сосуществуют и взаимодействуют во времени и пространстве.

Напомним, что в свое время еще Карл Маркс указывал на отличие институтов собственности, характерных для «азиатского способа производства», от европейских. Если в Европе историческую основу экономической модели составляли частная собственность на землю и базирующиеся на ней отношения обмена, то в Азии верховным собственником земли выступало государство. Разбирая отношения собственности при азиатском способе производства, Маркс отмечал, что хотя там и существует частное и общинное владение и пользование землей, но нет никакой частной земельной собственности ([Marx, 1939. S. 376–377.] Цит. по: [Венедиктов, 1948. С. 62]). Как и некоторые другие юристы его времени, Маркс указывал, что на Востоке (в отличие от античной, в первую очередь римской общины) при объединении общин в более крупные, в том числе в государство, право собственности оставалось не за ними, а переходило к «связующему их единству». «Связующее единство (*zusammenfassende Einheit*), возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, – писал Маркс, – выступает как высший собственник... каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности» [там же. С. 68].

Если Маркс лишь указал на главное различие европейской и азиатской моделей – по типу собственности, то Карл Виттфогель в своей известной концепции «гидравлических обществ» исследовал последнюю более тщательно и нашел ее следы не только в странах Азии. Вклад Виттфогеля заключается в том, что он показал взаимосвязь между экономи-

ческой структурой восточных стран, где преобладают масштабные общественные работы (в частности, по содержанию ирригационных и противопаводковых систем), и централизованным политическим устройством [Wittfogel, 1959].

Развитие взглядов Маркса и Виттфогеля можно найти в работах их соотечественника Вальтера Ойкена. В своей классической книге «Основы национальной экономики» (впервые вышла в 1939 г. на немецком языке) Ойкен писал: «Историческое исследование во всех эпохах обнаруживает две чистые основные формы: идеальные типы неменовоной «централизованно управляемой экономики» и «меновоной экономики»... Следы других экономических систем – помимо этих двух – не удастся обнаружить ни в современной экономической действительности, ни в прошлом; вряд ли можно себе представить, что они будут найдены и в будущем» [Ойкен, 1996. С. 19]. При этом он отмечал, что элементы той или иной экономической системы, например, централизованно управляемой экономики, иногда доминируют, а иногда лишь дополняют общую картину [там же. С. 108]. Таким образом, вклад Ойкена состоит в том, что он, отмечая «смешанный» характер реальных экономических систем, указывал, тем не менее, на доминирование в экономической жизни одной из двух моделей.

Известный историк-экономист и антрополог австро-венгерского происхождения Карл Поланьи пошел дальше в исследовании нерыночных хозяйственных систем. В посмертно изданной в 1977 г. книге «The Livelihood of Man», до сих пор полностью не переведенной, насколько нам известно, на русский язык, он детально исследовал формы интеграции экономического процесса в разные исторические эпохи для многих стран. При этом он опирался как на результаты собственных изысканий, так и на труды К. Бюхера, Ф. Тённиса, Р. Торнвальда, Г. Малиновского, М. Вебера, Э. Дюркгейма, М. Ростовцева и других признанных историков, социологов и антропологов. Поланьи, как известно, выделил следующие основные формы экономической интеграции – редистрибуцию (redistribution), обмен (exchange) и реципрокность (reciprocity). Две из них – обмен и редистрибуцию – Поланьи выделяет в качестве основы для классификации всего множества национальных хозяйств³. Во-первых, он указывает на рыночные экономики, в которых доминирующей формой взаимодействия между участниками хозяйственного процесса является обмен. Под ним Поланьи, в соответствии с классическим пониманием, подразумевает «двустороннее движение товаров между субъектами, ориентированными на прибыль, получающуюся в результате для каждого от итогов соглашения» [Polanyi, 1977. P. 42]. Однако значительная часть книги 1977 г. посвящена доказательствам того, что рыночно-устроенный, базирующийся на обмене институциональный комплекс не является общим для всех экономик мира. Во многих обществах действует экономическая система, основанная на редистрибуции. В редистрибутивных экономиках преобладает движение благ и услуг к центру и от него – осуществляется ли передвижение объектов физически или меняется только порядок права их присвоения без каких-либо изменений в действительном размещении ресурса или продукта [ibid. P. 40]. Вслед за Ойкеном Поланьи не только подтвердил и дополнительно обосновал своими антропологическими исследованиями наличие двух равнозначных, параллельно функционирующих в истории рыночных (обменных) и редистрибутивных (централизованных) институциональных комплексов, но и глубже исследовал механизмы функционирования тех экономик, которые назвал редистрибутивными. Еще более определенно, чем Ойкен, Поланьи указывал на то, что в том или ином обществе доминирует одна из форм экономических отношений, в то время как альтернативная занимает дополнительное положение [Polanyi, 1963].

³ Реципрокность, означающая движение товаров и услуг (а также людей) между взаимодействующими сторонами на симметричной основе, т. е. взаимопомощь родственников, деревень и даже государств, например, в форме ленд-лиза [Polanyi, 1977. P. 36], рассматривалась Поланьи как дополнительная по отношению к главенствующим формам экономической интеграции определенного типа обществ – рынку и редистрибуции.

Политическая экономия социализма середины XX в. также предлагала свою версию двух типов экономических моделей. Советские политэкономы (а вслед за ними представители стран, которые в силу тех или иных причин стали строить социализм), называли их капиталистической и социалистической и подробно разбирали их особенности. Вклад представителей политэкономии социализма заключался в том, что, следуя логике Маркса при анализе европейской модели (капиталистической), они изучали социалистические модели в единстве их экономической, политической и идеологической составляющих (которые сегодня называют институтами). Свою версию предложил и венгерский политэконом Януш Корнаи [Kornai, 1980] – в его трактовке альтернативные экономические модели связаны либо с *мягкими*⁴ (при социализме), либо с *жесткими бюджетными ограничениями* (в рыночной экономике).

Отметим еще одного автора, развивающего свою концепцию двух моделей экономик. Речь идет об экономисте-компаративисте из США Стивене Роузфилде. В своей книге «Сравнительный анализ экономик мира...», выдержавшей три издания [Rosefelde, 2008 (2005, 2002)] и переведенной на русский язык [Роузфилд, 2004], он выделяет «экономики категории А, или рыночные экономики» и «экономики категории В, или культурно регулируемые системы». В странах Азии, как отмечает Роузфилд, доминируют экономики категории В.

Большинство указанных авторов объединяет то, что два типа экономических моделей рассматриваются ими как рядоположенные, одновременно сосуществующие в различных странах. Другое сходство представленных концепций (за исключением, пожалуй, политэкономии социализма) заключается в том, что они, обобщая известные исторические факты, не имеют оценочного характера и не опираются на идеологические схемы.

Этим рассмотренные подходы отличаются от новых, но уже весьма популярных теорий представителей неоклассической экономики, в которых также представлены альтернативные социально-экономические модели развития. Имеются в виду теории порядков свободного и ограниченного доступа [North et al., 2009; Норт и др., 2011] и инклюзивных и экстрактивных институтов [Acemoglu, Robinson, 2012; Аджемоглу, Робинсон, 2015]. Об опоре этих теорий на определенные идеологические установки, позволяющей авторам скреплять в единое целое «научно установленные факты», прямо указывает В.М. Полтерович [Полтерович, 2017. С. 57]⁵. Однако, на наш взгляд, их очевидная идеологическая ангажированность является скорее препятствием к поиску научной истины. Неслучайно авторская интерпретация приводимых в данных теориях исторических фактов и сопоставлений активно критикуется. Особенно это касается теории Аджемоглу и Робинсона (см., например: [Diamond, 2012; Арсланов, 2016]). Оценочный характер обеих теорий выражается также в том, что модели с позитивной коннотацией – к ним относятся порядки открытого доступа в теории Норта и его коллег или общества с инклюзивными институтами у Аджемоглу и Робинсона – характеризуют западные страны⁶, которые представлены в рамках данных теорий как более развитые и передовые.

⁴ Корнаи впервые ввел в экономическую литературу понятие «мягкие бюджетные ограничения» в 1976 г.

⁵ В.М. Полтерович полагает, что «сложность общественных систем, их изменчивость и невозможность (за исключением редких ситуаций) проведения лабораторных экспериментов приводят к тому, что общие концепции, претендующие на объяснение реальности и на практическую значимость, вынуждены опираться на идеологию» [Полтерович, 2017. С. 57]. Поэтому две эти теории представляются ему образцами научных. Мы придерживаемся противоположного мнения о роли идеологии в общественных науках и полагаем, что присущий им идеологический *bias* (предвзятость) является тем «первородным грехом», который общественные науки должны преодолевать [Кирдина, 2008. С. 21–22]. Развитие эволюционного подхода, *complexity economics* и синергетической парадигмы в экономической теории весьма этому способствует.

⁶ «Большинство стран, осуществивших переход к открытому доступу или по крайней мере выполнивших пороговые условия, расположены в Европе или основаны европейцами» [Норт и др., 2011. С. 42].

2. Западные и не-западные институциональные модели в теории институциональных матриц

В своем анализе западных и не-западных институциональных моделей мы будем опираться на подход, основанный на теории институциональных матриц, или X- и Y-теорию [Матрица институциональная в социологии, 2003; Институциональных матриц теория, 2010].

Теория институциональных матриц (Institutional Matrices Theory) разрабатывается автором с конца 1990-х гг. В ней развивается и обосновывается гипотеза о двух устойчивых системах базовых институтов (институциональных комплексов), определяющих природу и характер развития обществ. Впервые термин «институциональная матрица» применил К. Поланьи [Polanyi, 1977], затем его использовал Д. Норт [North, 1990], дальнейшая разработка этого понятия представлена в теории институциональных матриц [Кирдина, 2014 [2000, 2001]; Kirdina-Chandler, 2017]⁷.

Институциональная матрица (*лат. matrix* – матка, первичная модель) определяется как исторически сложившийся устойчивый триплекс взаимосвязанных базовых институтов (институциональных комплексов), регулирующих функционирование трех основных общественных подсистем: экономики, политики и идеологии. Базовые институты, сохраняя присущее им содержание, проявляют себя в разнообразных исторически меняющихся институциональных формах, специфика которых определяется историей и культурным контекстом конкретных обществ.

Анализ обширного эмпирического материала, начиная с древнейших государств Египта и Месопотамии и заканчивая современными странами, показал, что в структуре общества устойчиво доминирует, как правило, одна из двух институциональных матриц: либо X-, либо Y-. Они качественно различаются между собой содержанием образующих их базовых институтов.

Для X-матрицы характерны следующие базовые институты (институциональные комплексы):

- ▶ в экономической сфере – редиистрибутивной экономики (термин К. Поланьи). К ним относятся институты верховной условной собственности; служебного труда (термин О.Э. Бессоновой); кооперации; редиистрибуции (аккумуляции–согласования–распределения); X-эффективности (категория введена Х. Лейбенштайном), т. е. снижения издержек нерыночными методами. Сущностью «чистых» редиистрибутивных экономик является обязательное опосредование центром движения благ и прав по их производству и использованию;
- ▶ в политической сфере – унитарного политического устройства. Среди них институты: административно-территориального деления; иерархической вертикали власти во главе с центром; назначений; общих собраний и единогласия; обращений по инстанциям;
- ▶ в идеологической сфере – коммунитарной идеологии, основное содержание которой состоит в доминировании коллективных, общих ценностей, приоритете «Мы» над «Я». К ним относятся: институты коллективизма; эгалитаризма; порядка; ориентированные на благополучие трудовой мотивации; холистические (интегральные) представления о мире. Институты X-матрицы доминируют в России, в странах Азии и Латинской Америки.

Y-матрица образована следующими базовыми институтами (институциональными комплексами), которые выполняют аналогичные функции, но иным образом, а именно:

⁷ Поскольку теория институциональных матриц довольно подробно описана в научной литературе, а также в Википедии, мы ограничимся здесь лишь кратким ее изложением.

- ▶ в экономической сфере – рыночной экономики. Среди них институты частной собственности; наемного труда; конкуренции; обмена (купли–продажи); получения прибыли, или Y-эффективности (категория X. Лейбенштайна);
- ▶ в политической сфере – федеративного политического устройства. К ним относятся институты: федерации; самоуправления и субсидиарности; выборов; многопартийности и демократического большинства; судебных исков;
- ▶ в идеологической сфере – индивидуалистской идеологии, закрепляющие приоритет «Я» над «Мы», примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня. Это институты: индивидуализма; стратификации; свободы; денежно-ориентированной трудовой мотивации; редукционистские (дискретные) представления о мире. Институты Y-матрицы преобладают в странах Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии.

Повторимся, что на протяжении истории государств доминирующее положение либо X-, либо Y-матрицы в институциональной структуре обществ, как правило, сохраняется. Это соответствует представлениям большинства отмеченных выше авторов (среди них Маркс, Поланьи, Ойкен, Роузфилд). Институты из альтернативной матрицы – в теории институциональных матриц они называются «комплементарные» («институциональные комплексы») – играют необходимую, но вспомогательную роль, «дополняя до целого» институциональную общественную структуру. Подобно генетике, где доминантный ген, подавляя рецессивный, задает проявляющиеся признаки живого организма, институты доминирующей матрицы определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, задают рамки и ограничения для действия комплементарных, вспомогательных институтов альтернативной матрицы. Прогрессивное развитие общества требует постоянного поиска оптимального баланса между институтами доминирующей и комплементарной матриц, а также предотвращения институциональных диссонансов [Кирдина-Чэндлер, 2017а].

На основе положений рассмотренной теории западные институциональные модели характеризуются преобладанием институтов Y-матрицы, среди которых институты рыночной экономики, федеративной политической структуры и индивидуалистической идеологии. Не-западные модели отличаются доминированием институтов X-матрицы, среди которых институты редистрибутивной экономики, унитарно-централизованный политической структуры и коммунитарной идеологии. Такое представление о не-западных (соответствующих доминированию институтов X-матрицы) и западных (соответствующих доминированию институтов Y-матрицы) институциональных моделях было положено в основу двух взаимосвязанных исследований, о которых речь пойдет ниже. Работы были проведены под руководством автора в 2014–2017 гг.

3. Западные и не-западные институциональные модели в пространстве: роль географических факторов

В первом исследовании изучалось влияние географических факторов на институциональное развитие государств. Другими словами, ставилась задача понять, какие географические факторы определяют (и определяют ли?) размещение стран с западными и не-западными институциональными моделями в пространстве.

Надо сказать, что в трудах современных институционалистов «географическая гипотеза» обсуждается уже не одно десятилетие. Представлены различные точки зрения и эконометрические модели с целью ее проверки (подробнее об этом см.: [Кирдина, 2016. С. 138–143]). Общим (при различии позиций) является то, что авторы используют, как правило, редукционистский подход при анализе институтов. Он состоит в том, что в расчетах принимают во внимание лишь некоторые из них – обычно экономические, – причем без

учета характерного для них свойства *embeddedness*⁸ (включенности, укорененности в социальной «не-экономической» жизни). Однако институциональные структуры имеют, на наш взгляд, холистическую природу, поэтому следует рассматривать их как взаимосвязанное целое.

Наша задача заключалась в том, чтобы преодолеть ограниченность такого редукционистского подхода. Поэтому мы использовали представление институциональной структуры в виде взаимодействующих институциональных матриц, что является, на наш взгляд, более адекватным для проверки «географической гипотезы». На этой основе было проведено исследование, результаты которого представлены ниже (подробнее см.: [Кирдина, Кузнецова, Сенько, 2015]).

В нем методами интеллектуального анализа данных были проанализированы 115 статистических показателей для выборки X- и Y-стран (n= 65), которые в сумме производят 90% мирового ВВП. Методика включала в себя оригинальные методы классификации, позволяющие учитывать нелинейный характер связи между признаками, и процедуры статистической оценки достоверности и устойчивости результатов. В качестве источников информации использованы известные статистические базы данных, содержащие географические показатели⁹.

В ходе исследования была выделена группа показателей, влияние которых на характер складывающихся в государствах институциональных моделей оказалось определяющим. Это – климатические характеристики, определяющие размещение в пространстве X- и Y-стран. Среди них: температуры, уровни осадков и риски природных катастроф (табл.).

Установлено, что на территориях с относительно мягкими климатическими показателями (оптимальные температуры воздуха и уровня осадков), а также невысокими рисками природных катастроф, складываются государства с доминированием Y-институтов, т.е. для них характерны западные институциональные модели. В свою очередь, на территориях, где отмечаются существенные колебания амплитуды уровня осадков и температуры воздуха, а также там, где средние температуры слишком высокие или слишком низкие, как и уровни осадков, а риски природных катастроф довольно высоки, исторически преобладают институты X-матрицы, т.е. доминируют не-западные институциональные модели.

Почему именно показатели климата и связанная с ними подверженность населения природным катастрофам вышли на первый план?

Выскажем следующее соображение. История любого государства начинается со стадии оседлого аграрного производства, и в этом сходятся представители разных наук – от археологов и историков до экономистов, культурологов, социологов и т.д. Общества могут выживать, если они, прежде всего, научились устойчиво обеспечивать свое население продуктами питания и защищать его от воздействия окружающей среды, вне зависимости от капризов природы. На заре первых государств именно в аграрной сфере начинают складываться определенные социальные технологии (институты), которые организуют социум для выживания на данной ему территории, т.е. формируются те самые адаптационные механизмы, благодаря которым удается овладеть окружающей средой и использовать ее для удовлетворения социальных потребностей. Еще Карл Поланьи в свое время прозорливо отмечал, что «социальная организация присвоения окружающей энергии и мощностей... определяет институциональную матрицу» [Polanyi, 1977. P. XXXII].

Очевидно, что аграрная сфера весьма подвержена влиянию климата. История свидетельствует, что в различных климатических зонах сельское хозяйство развивалось по-раз-

⁸ Термин введен Карлом Поланьи и развит эконом-социологом Марком Грановеттером.

⁹ Источники данных: www.worldbank.org; www.cia.gov; www.gapminder.org; faostat3.fao.org; www.indexmundi.com; en.wikipedia.org; unstats.un.org; www.world-nuclear.org; www.bp.com; minerals.usgs.gov. Подробнее структура данных представлена в: [Кирилук, Волынский, Круглова, Кузнецова, Рубинштейн, Сенько, 2015].

Таблица

Средние значения климатических показателей в X-странах (не-западные институциональные модели) и Y-странах (западные институциональные модели)

Показатели	Страны			В среднем по всем странам	Достоверность разбиения (критерий Фишера)
	«прохладные» X-страны*	Y-страны***	«жаркие» X-страны**		
Пострадавшие от бедствий, %	1,9	0,1	1,3	0,9	0,0040
Пострадавшие от засухи, чел. на 100 000 жителей	27,3	8,0	49,0	33,5	0,0381
Пострадавшие от наводнений, чел. на 100 000 жителей	78,3	6,6	37,6	29,8	0,0042
Средняя температура за год, °С:	6,4	9,3	23,1	16,2	<0,0001
октябрь	8,1	9,8	23,6	16,9	<0,0001
ноябрь	0,4	5,4	21,4	13,3	<0,0001
декабрь	-5,6	2,2	19,4	10,5	<0,0001
январь	-8,2	0,9	18,8	9,4	<0,0001
февраль	-6,2	1,9	19,9	10,6	<0,0001
март	0	4,5	21,7	13,0	<0,0001
апрель	6,6	7,8	23,6	15,9	<0,0001
май	12,3	11,7	24,9	18,7	<0,0001
июнь	16,7	14,8	25,7	20,7	<0,0001
июль	19,6	16,9	25,8	21,8	<0,0001
август	19,3	16,6	25,8	21,7	<0,0001
сентябрь	14,7	13,9	25,2	19,9	<0,0001
Осадки, мм:					
май	87	57	120	93	0,0039
июнь	146	60	142	111	0,0050
июль	219	57	145	118	0,0003
август	194	57	146	116	0,0006
сентябрь	131	55	141	107	0,0017
октябрь	62	61	134	99	0,0019
за год	1100	760	1328	1089	0,0090
Амплитуда осадков за год, мм	194	52	159	121	<0,0001
Минимальная температура за год, °С	1,0	4,6	17,4	11,0	<0,0001

* «Прохладные» X-страны (всего 6): КНР, КНДР, Непал, Республика Корея, Российская Федерация, Япония

** «Жаркие» X-страны (всего 35): Боливия, Бразилия, Венесуэла, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Камбоджа, Колумбия, Куба, Лаос, Ливия, Малайзия, Мексика, Мьянма, Никарагуа, Пакистан, Парагвай, Перу, Саудовская Аравия, Сирия, Судан, Таиланд, Тунис, Филиппины, Шри Ланка, Эквадор, Эфиопия, Южно-Африканская Республика.

*** Y-страны (всего 24): Австрия, Аргентина, Болгария, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Германия, Испания, Италия, Канада, Марокко, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, США, Турция, Финляндия, Франция, Чили, Швеция.

ному. Примеры засушливого Египта с централизованными формами ведения хозяйства и плодородной Месопотамии с ее начатками рыночных форм координации – известные тому подтверждения (подробнее об этом см.: [Кирдина, 2014. С. 89–98]).

Переход от аграрной к индустриальной и последующим стадиям общественного развития¹⁰ не отменял, но впитывал в себя институциональные достижения предыдущих эпох. Выявленные в экономике и социологии механизмы *кумулятивной причинности* (Т. Веблен), *path dependence* (П. Дэвид, П. Пирсон, С. Лейбовиц, С. Марголис и др.), *эффекты блокировки* (Д. Норт), *социокультурной эволюции* (Дж. и Г. Ленски) и др. обеспечивали трансляцию социальных технологий и поддерживали возникшее на заре истории государства доминирующее положение той или иной институциональной матрицы. Наконец, необратимость «стрелы времени» (А. Эддингтон) также не позволяет игнорировать различия, возникшие на предыдущих этапах социального развития.

Кроме того, обратим внимание на значение климата для воспроизводства человеческой популяции как таковой. Известны исследования, объясняющие роль умеренного климата как фактора блокировки болезней (см., например: [Malik, Temple, 2005, 2006]). Поэтому само расселение населения по территории, его плотность и формы социальной организации, как и формировавшиеся на их основе институты, различались в зависимости от климатических условий.

4. Западные и не-западные институциональные модели во времени: циклическая смена доминирования

Какова хронология сосуществования стран, для которых характерны западные и не-западные институциональные модели, или, другими словами, в которых доминируют институты X- или Y-матрицы? Для ответа на этот вопрос было решено исследовать сопоставительную долгосрочную динамику валовых внутренних продуктов (ВВП), произведенных этими странами.

Обращение к ВВП связано с тем, что этот показатель, несмотря на его растущую критику, является, пожалуй, единственным консенсусным индикатором, на основе которого – пусть и косвенно – можно судить о «мощи» каждой страны по сравнению с другими. Необходимость изучения долгосрочной динамики вынудила нас обратиться к данным известных таблиц Ангуса Мэдисона [Maddison Project Database, 2018], где представлено многолетнее исследование сопоставимых уровней ВВП ряда стран до 2016 г., измеренного в млн международных, Geary-Khamis, долл. 1990 г. Представленные в базе Мэдисона данные с XII в. до 1820 г. разрозненны и неполны – они охватывают лишь небольшой круг стран. Поэтому за начальную точку отсчета принят 1820 г., начиная с которого имеются сведения по широкому кругу стран.

С учетом имеющихся данных была сформирована выборка стран, включающая государства обоих типов. Из стран с доминированием институциональной X-матрицы представлены Китай, Индия, Бразилия, Япония и страны бывшего СССР, или Российской империи (поскольку Россия в базе Мэдисона отдельно не выделялась до 1920-х гг.). Из стран с доминированием Y-матрицы в выборку включены 12 западноевропейских – Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция и Швейцария, а также 4 страны за пределами Европы – Австралия, Новая Зеландия, Канада и США. Перечисленные страны производили и производят не

¹⁰ В данном случае не столь важно, как происходит формирование государств – в результате медленного поступательного роста или прерывистой эволюции и нелинейного развития (подробнее об этом см.: [Abrutyn, Lawrence, 2010]). Важно, что это необратимо.

менее 75–85% мирового ВВП, что делает нашу выборку вполне репрезентативной для анализа процессов на глобальном уровне.

График, отражающий динамику суммарной доли ВВП стран с западными (Y-страны) и не-западными (X-страны) институциональными моделями за период 1820–2016 гг., представлен на рисунке.

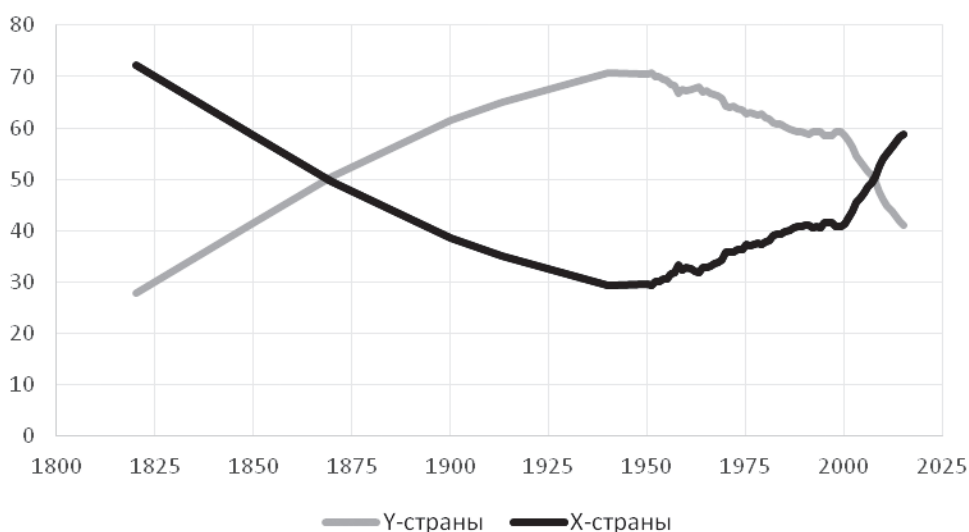

Рис. Доли суммарных ВВП стран с не-западными (X-страны) и западными (Y-страны) институциональными моделями (%)

Данные графика позволяют увидеть циклический процесс, в ходе которого происходит смена доминирования стран с альтернативным типом институциональных моделей. В 1820-е гг. (и ранее, как полагает ряд историков, см., например: [Frank, 1998]) глобальный ВВП формировался преимущественно X-странами. Начиная с 1870 г. растет доля Y-стран, которые стали производить более половины мирового ВВП. Максимальный разрыв между двумя группами стран имел место в 1950–1960-е гг., а с 1970 г. он начал сокращаться. Примерно с 2008 г., по нашим расчетам, X-страны вновь начали выходить на лидирующие позиции, т. е. превосходить Y-страны по производству ВВП, и в последующие годы этот разрыв постепенно увеличивается.

Таким образом, на наших глазах меняется глобальная конфигурация основных игроков в мировом хозяйстве. Полученные результаты подтверждают высказанные ранее соображения о циклическом характере соотношения «центра и периферии», или доминирующих полюсов в глобальном мире. «Мы снова находимся в одном из чередующихся периодов гегемонии и конкуренции в мировой экономической системе, который предвещает обновленный сдвиг гегемонии в западном направлении через Тихий океан» [The World System..., 1998. P. 47]. О том же пишет норвежский ученый Эрик Райнерт: «Мир входит в новую эру – эру, отмеченную двумя существенными изменениями. Первым является начало конца доминирования Запада – это не конец Запада, но все же. Вторым является азиатский «Ренессанс», потому что XXI столетие будет столетием китайских и индийских экономических систем» [Райнерт, 2013. С. 47]¹¹. При этом исследователи обращают внимание на взаимозависимость двух групп стран. Так, «возвышение Европы» в XIX в. невозможно объяснить без учета роли торговли с Азией и Африкой – глобальная мировая система была уже тогда. Точно также современное развитие азиатских стран связывается с импортом технологий из современных государств – лидеров технологического прогресса – Европы и затем сменивших ее в этой роли США.

¹¹ См. также: [Frank, 1998].

Заключение

Наблюдаемый в последнее десятилетие слом долгосрочного тренда доминирования государств с западными институциональными моделями сопровождается радикализацией в этих странах общественного сознания, а также ростом международной напряженности.

Как правило, радикализм распространяется в кризисные или переходные исторические периоды, когда ощущается угроза привычному порядку вещей. Его проявления можно видеть в нервной политике, протестных социальных действиях, истерическом характере публикаций в средствах массовой информации, а также в распространении радикальных научных концепций (об этом см.: [Кирдина-Чэндлер, 2017b]). Для радикализма характерны бескомпромиссность и неприятие сложившейся ситуации, а сам процесс означает усиление непримиримых настроений, неуверенность существования, приверженность крайним взглядам. Радикализм сопровождается как акцентированием внимания на внешних угрозах – явных или мнимых, так и резкой критикой существующих внутри страны институтов, идей, правил и социального порядка, которая приобретает формы политической борьбы.

Некоторые эксперты считают, что в ситуациях, когда происходят кардинальные изменения в существующем порядке или соотношении экономических преимуществ, в том числе и между странами, когда речь идет о перераспределении «центров силы» и в связи с этим формируются запросы на новые «условия игры», усиливаются военные угрозы и растет вероятность локальных и даже глобальных конфликтов. Мы полагаем, что сгладить возможную международную напряженность могут помочь результаты научных исследований, показывающие, что эти изменения носят объективный характер, они не обусловлены агрессией тех или иных стран, речь идет о естественных циклических процессах, постоянно сопровождающих нашу жизнь.

Глобальные институциональные циклы в биполярном мире выражаются не только в изменении сопоставительных масштабов групп X- и Y-стран. Как правило, они сопряжены с динамикой организационных форм, отражающих глубину взаимосвязей каждого из полюсов глобального биполярного мира. Глядя назад, на общее прошлое человечества и заглядывая вперед в его общее будущее, можно предположить дальнейшее оформление каждого из полюсов во все более взаимосвязанную структуру, т. е. развитие различного рода международных альянсов внутри каждой из групп стран. Будет происходить процесс укрепления биполярности мира, что будет способствовать снижению хаоса и упрочению стабильности международных отношений. Это – один из возможных позитивных прогнозов.

Другой прогноз состоит в том, что со временем будет осознано и артикулировано идеологическое единство X-стран, которым присущи не-западные институциональные модели. Если Y-страны, для которых характерны западные институциональные модели, имеют общую выработанную за предыдущие десятилетия надежную идеологическую платформу для взаимодействия в виде разделяемых народами этих стран общих ценностей, которые называют демократическими, либеральными и т.п., то страны X-матрицы лишь находятся на пути к этому. Возможно, теория институциональных матриц с ее нейтральной в культурно-цивилизационном отношении терминологией может оказаться полезной при решении этой задачи. Тем самым она может способствовать формированию более сбалансированного и гармоничного циклически развивающегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ.
- Арсланов В.В. (2016). География, институты и истоки глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона. М.: Институт экономики РАН.
- Венедиктов А.В. (1948). Государственная социалистическая собственность. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР.
- Воейков М.И. (2017). К проблеме социально-экономического неравенства: экономическое и социальное // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 8–22.
- Институциональных матриц теория / Социологический словарь. (2010) / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М: ИНФРА-М. С. 153–154.
- Кирдина С.Г. (2008). Современные социологические теории: актуальное противостояние? // Социологические исследования. № 8. С. 18–28.
- Кирдина С. Г. (2014) [2000, 2001]. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М.; СПб.: Нестор-История.
- Кирдина С.Г. (2016). Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. № 3. С. 133–150.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2017а). Мезоуровень: новый взгляд на экономику? (Научный доклад). М.: Институт экономики РАН.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2017б). Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Журнал институциональных исследований. Т. 9. № 4. С. 6–15.
- Кирдина С.Г., Кузнецова А.Н., Сенько О. В. (2015). Климат и институциональные матрицы // СОЦИС. № 9. С. 3–13.
- Кириллюк И.Л., Вольнский А.И., Круглова М.С., Кузнецова А.В., Рубинштейн А.А., Сенько О.В. (2015). Эмпирическая проверка теории институциональных матриц методами интеллектуального анализа данных // Компьютерные исследования и моделирование. Т. 7. № 4. С. 923–933.
- Матрица институциональная в социологии / Социологическая энциклопедия. (2003). Т. 1. М: Мысль. С. 609–610.
- Некипелов А.Д. (2017). «Новый прагматизм» профессора Г. Колодко: альтернатива или дополнение чистой экономической теории? // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 22–39.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгафт Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Ойкен В. (1993). Экономические системы. Т. 1. Вып. 2. М.: THESIS. С. 18–52 (Die Grundlagen der Nationalökonomie. Godesberg: Verlag Helmut Kupper (1947). Godesberg: Verlag Helmut Kupper. S. 126–177).
- Ойкен В. (1996) [1939]. Основы национальной экономики. М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 55–65.
- Райнерт Э. (2013). Об актуальности глобального кейнсианства и выборочной деглобализации / Финансы и реальный сектор: взаимодействие и конкуренция. Материалы IX международного симпозиума по эволюционной экономике, 8–10 сентября 2011 г., Россия, Московская область, г. Пушкино / Отв. редакторы В.И. Маевский, С.Г. Кирдина. М.: Институт экономики РАН.
- Роузфилд С. (2004). Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть в XXI веке. М: РОССПЭН.
- Abrutyn S., Lawrence K. (2010). From Chiefdom to State: Toward an Integrative Theory of the Evolution of Polity // Sociological Perspectives. Vol. 53. No. 3. Pp. 419–442.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012). Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Business.
- Diamond J. (2012). What makes countries rich or poor? // New York Review of Books. June 7. www.nybook.com/articles/2012/06/07/what-makes-countries-rich-or-poor.
- Frank A.G. (1998). ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press.
- Kirdina-Chandler S. (2017). Institutional Matrices Theory, or X-and Y-theory: A Response to F. Gregory Hayden // Journal of Economic Issues. Vol. 51. No. 2. Pp. 476–485.
- Kornai J. (1980). Economics of Shortage, Vol. I and II. Amsterdam and New York: NorthHolland Publishing Company.
- Maddison Project Database (2018). www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018 (дата обращения 26 марта 2018 г.)
- Malik A., Temple J.R.W. (2006). The Geography of Output Volatility // CEPR Working Paper. No. 5516. Pp. 1–39.
- Marx K. (1939). Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie. М: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- North D.C. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.

- North D., Wallis J., Weingast B. (2009). *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Polanyi K. (1963). *Economic Sociology in the United States: Lecture given at the Institute for Cultural Relations*. Budapest. Oct 9. Cit. by: Polanyi, Karl (1977). *The Livelihood of Man*. N.-Y.: Academic Press. Inc.
- Polanyi K. (1977). *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)*. N.-Y.: Academic Press. Inc.
- Rosefielde S. (2008) [2005, 2002]. *Comparative Economic Systems: Culture, Wealth, and Power in the 21st Century*. Malden, Massachusetts & Oxford: Wiley-Blackwell.
- The World System: Five Hundred Years or Five Thousands? (1998) / Frank A.G & Gills B.K. (eds). London and New York: Routledge.
- Wittfogel K.A. (1959). *Oriental despotism: A comparative study of total power*. New Haven: Yale University Press.

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна

kirdina@bk.ru

Svetlana Kirdina-Chandler

doctor habilitatus in sociology, head of sub-division of evolution for social and economic systems, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

kirdina@bk.ru

WESTERN AND NON-WESTERN INSTITUTIONAL MODELS IN TIME AND GEOGRAPHICAL SPACE

Abstract. In the 21st century change in the configuration of the global politico-economic structure is becoming increasingly evident. If we look at the agendas of international institutionalists' conferences, where the representatives of the so called *Big Four* (the United States, Great Britain, Germany and France) continue to dominate intellectually, we can find their anxiety about "major disruptions to the global balance of politico-economic power" ([https://winir.org/?page= events & side = winir_2018](https://winir.org/?page=events&side=winir_2018)). The growth of the economic giants in on the East (primarily China and India) as well as Russia's political role, and the growing social and economic inequality in the majority of developed economies, contest the leadership of the Western institutional model of economic development. It becomes obvious that this model not only does not have a universal character, but it also does not show as many manifest advantages as has been thought previously. At the same time, an internationally recognised need to sustain peace and international trade, as well to address the problem of climate change, requires an ever greater integration at the global level. Under these conditions, understanding the institutional features of both poles of the returning bipolar world becomes not only a task of scientific research, but also acquires a very necessary practical significance. In this paper bipolarity is understood as a continuing representation on a global scale of two groups of countries that differ in their institutional structures and arrangements – this difference is identified by the general term "Western and non-Western models". The paper is devoted to the analysis of the features, factors of formation and the chronology of the coexistence of countries for which these institutional models are characteristic.

References to the economic and political features of Western and non-Western models can be found in many works. In the paper we will mention the works of K. Marx, K. A. Wittfogel, K. Polanyi, W. Eucken, J. Kornai and S. Rosefielde. Among the works of recent years the most resonant are the theory of Open Access and Limited Access orders (D. North, J. Wallis and B. Weingast) and the theory of Inclusive and Extractive institutions (D. Asemoglu and J. Robinson). The relevances and constraints of these theories will be considered briefly in the paper.

However, in our analysis we will rely on an approach presented in the institutional matrices theory, or X and Y-theory (Кирдина, 2014 [2001, 2000]; Kirdina-Chandler, 2017). In this theory, Western institutional models are characterised by the predominance of the set of Y-matrix institutions, among them the institutions of market economy, federal political structure and individualistic ideology. Non-Western models are distinguished by the dominance of the set of X-matrix institutions, among them the institutions of redistributive economy, unitary-centralised political structure and communitarian ideology.

For the first time the paper summarises the results of two interrelated studies concerning samples of countries with either a predominance of X- or Y-matrix institutions. Both studies were conducted under the guidance of the author in 2014-2017. In the first study, the influence of geographical factors on the institutional development of states was investigated. Using methods of data mining, we analysed 115 statistical indicators for an extended sample (n = 65) of non-Western and Western institutional models (in terms of the institutional matrices theory they are called X- and Y-countries). The results revealed the effect of climatic characteristics in the location of countries on whether X- or Y matrix institutions dominate. It is established that on territory with relatively mild climatic characteristics (optimal air temperatures and precipitation levels), as well as low natural hazard risks, countries with a dominance

of Y-matrix institutions develop, i.e. they are characterised by Western institutional models. In turn, in areas where there are significant fluctuations in the amplitudes of precipitation and air temperature, and where average levels of temperatures and precipitation are relatively too high or too low, and the risks of natural hazards are quite high, X-matrix institutions, or non-Western institutional models, historically predominate.

In the second study we compared the long-term dynamics of gross domestic products (GDP) produced by X- and Y-countries. The Maddison Project Database (1820–2008) was used. The calculations were made for a sample of X- and Y-countries ($n = 21$), which have produced 75–85% of world GDP for all the years studied. Comparison of the data made it possible to see the cyclical process of changing world leadership, i.e. in the prevailing dominance of X- or Y-countries in production of the world's products. In the 1820s, the X-countries were leading in the production of world GDP. Since the 1870s the domination of the Y-countries started, which began to produce more than half of the world GDP. The biggest gap between these two groups of countries was observed in the 1950–1960s but since 1970s it began to decline. After 2008, according to our sample surveys, X-countries began outperforming Y-countries by share of world GDP, and this advantage is gradually increasing.

In conclusion, it is noted that the change in the domination of countries with Western institutional models, as observed in the last decade, is accompanied by the radicalisation of public consciousness in these countries, as well as in the growth of international tension.

Keywords: *institutional matrices theory, X-Y-theory, Western and non-Western institutional models, institutional approach, evolutionary approach, comparative analysis of economic systems, international economic order.*

JEL Classification: B52, B31, C12, F02, P51.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2015). *Pochemu odni strain bogatie, a drugie bednie. Proishozhdenie vlasti procvetaniya i nischeti* [Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty]. M.: AST.
- Arslanov V.V. (2016). *Geografiya, instituty i istoki global'nogo neravenstva: kritika koncepcii ehkonomicheskogo razvitiya Adzhemoglu i Robinsona* [Geography, institutions and the roots of global inequality: a critical appraisal of Acemoglu and Robinson's theory of economic development]. M.: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
- Venediktov A.V. (1948). *Gosudarstvennaya socialicticheskaya sobstvennost'* [State Socialist Property]. Moscow-Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences.
- Voeykov M. (2017). *K probleme social'no-ehkonomicheskogo neravenstva: ehkonomicheskoe i social'noe* [To the problems of socio-economic inequality: social and economic] // *Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki* [Theoretical economics]. No. 1. Pp. 8–22.
- Institucional'nyh matric teoriya [Institutional Matrix Theory] / *Sociologicheskij slovar'* [Sociological dictionary] (2010) / G.V. Osipov, L.N. Moskvichev (eds). M: INFRA-M. Pp. 153–154.
- Kirdina S.G. (2008). *Sovremennye sociologicheskie teorii: aktual'noe protivostoyanie?* [Contemporary sociological theories: current confrontation?] // *Sociologicheskie issledovaniya*. [Sociological research]. No. 8. Pp. 18–28.
- Kirdina S.G. (2014) [2000, 2001]. *Institucional'nye matricy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu*. [Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y Theory] 3rd edition. Moscow; Saint Petersburg: Nestor Istoria.
- Kirdina S.G. (2016). *Roľ institutov i geografii v ehkonomicheskom razvitii: aktual'naya polemika v geterodoksal'noj ehkonomike* [Institutions and geography in economic development: a heterodox economic discussion] // *Prostranstvennaya ekonomika*. [Spatial Economics]. No. 3. Pp. 133–150.
- Kirdina-Chandler S.G. (2017a). *Mezouroven': novyj vzglyad na ehkonomiku?* [The Meso Level: A New Look in Economics?] *Nauchnyj doklad* [Working paper]. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.
- Kirdina-Chandler S.G. (2017b). *Radikal'nyj institucionalizm i fejkovaya ehkonomika v XXI veke* [Radical institutional economics and fakery for the 21st century] // *Journal for Institutional Studies*. Vol. 9. No. 4. Pp. 6–15.
- Kirdina S.G., Kuznetsova A.V., Sen'ko O.V. (2015). *Klimat I instituzionalnyne matricy* [Climate and Institutional Matrices: Cross-Country Analysis]. // *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9. Pp. 3–13.
- Kirilyuk I.L., Volynsky A.I., Kruglova M.S., Kuznetsova A.V., Rubinstein A.A., Senko O.V. (2015). *Empiricheskaya proverka teorii instituzionalnykh matric metodami intellektual'nogo analiza dannykh* [Empirical Testing of Institutional Matrices Theory by Data Mining] // *Kompyuternye Issledovaniya i Modelirovanie* [Computer Research and Modeling]. Vol. 7. No. 4. Pp. 923–933.
- Matrica institucional'naya v sociologii* [The institutional matrix in sociology] / *Sociologicheskaya ehnciklopediya*. [Sociological Encyclopedia] (2003). Vol. 1. M: Mysl. Pp. 609–610.
- Nekipelov A.D. (2017). «Novyj pragmatizm» professora G. Kolodko: al'ternativa ili dopolnenie chistoy ehkonomicheskoy teorii? [«New pragmatism» of professor G. Kolodko: alternative or addition to pure economic theory?] // *Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki* [Theoretical economics]. No. 1. Pp. 22–39.

- North D., Wallis J., Weingast B.* (2011) *Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. [Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. M.: Institut Gaydara.
- Eucken W.* (1993). *Ekonomicheskie sistemy [Economic systems]*. Vol. 1. No. 2. M.: THESIS. Pp. 18–52 (Die Grundlagen der Nationalökonomie (1947). Godesberg: Verlag Helmut Kupper. S. 126–177).
- Eucken W.* (1996) [1939]. *Osnovy nacional'noj ehkonomii [Foundations of the National Economy]*. M.: Ekonomika.
- Polterovich V.M.* (2017). *Razrabotka strategij social'no-ehkonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya [Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki [Theoretical economics]*. No. 1. Pp. 55–65.
- Reinert E.* (2013). *Ob aktual'nosti global'nogo kejnspanstva i vyborochnoj deglobalizacii [Zeitgeist in transition: towards global Keynesianism and selective deglobalization] / Finansy i real'nyj sektor: vzaimodejstvie i konkurenciya: Materialy IX mezhdunarodnogo simpoziuma po ehvolucionnoj ehkonomike, 8–10 sentyabrya 2011 g., Rossiya, Moskovskaya oblast', g. Pushchino. [Finance and the real sector: interaction and competition. Proceedings of the 9th International Symposium on the Evolutionary Economy, September 8–10, 2011, Russia, Moscow Region, Pushchino.] / V.I. Maevsky, S.G. Kirdina (eds.)*. M.: Institute of Economics, RAS.
- Rosefielde S.* (2008) [2005, 2002]. *Sravnitel'naya ehkonomika stran mira. Kul'tura, bogatstvo i vlast' v XXI veke [Comparative Economic Systems: Culture, Wealth, and Power in the 21st Century]*. M.: ROSSPEN.
- Abrutyn S., Lawrence K.* (2010) *From Chiefdom to State: Toward an Integrative Theory of the Evolution of Polity // Sociological Perspectives*. Vol. 53. No. 3. Pp. 419–442.
- Acemoglu D., Robinson J.* (2012). *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown Business.
- Diamond J.* (2012). *What makes countries rich or poor? // New York Review of Books*. June 7. www.nybook.com/articles/2012/06/07/what-makes-countries-rich-or-poor.
- Frank A.G.* (1998). *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press.
- Kirdina-Chandler S.* (2017). *Institutional Matrices Theory, or X-and Y-theory: A Response to F. Gregory Hayden // Journal of Economic Issues*. Vol. 51. No. 2. Pp. 476–485.
- Kornai J.* (1980). *Economics of Shortage, Vol. I and II*. Amsterdam and New York: NorthHolland Publishing Company.
- Maddison Project Database* (2018). www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018 (26.03.2018).
- Malik A., Temple J.R.W.* (2006). *The Geography of Output Volatility // CEPR Working Paper*. No. 5516. Pp. 1–39.
- Marx K.* (1939). *Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie*. M.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- North D.C.* (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D., Wallis J., Weingast B.* (2009). *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Polanyi K.* (1963). *Economic Sociology in the United States: Lecture given at the Institute for Cultural Relations*. Budapest. Oct. 9. Cit. by: *Polanyi, Karl* (1977). *The Livelihood of Man*. N.-Y.: Academic Press, Inc., 1977.
- Polanyi K.* (1977). *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)*. N.-Y.: Academic Press, Inc.
- Rosefielde S.* (2008) [2005, 2002]. *Comparative Economic Systems: Culture, Wealth, and Power in the 21st Century*. Malden, Massachusetts & Oxford: Wiley-Blackwell.
- The World System: Five Hundred Years or Five Thousands? (1998) / Frank A.G & Gills B.K. (eds)*. London and New York: Routledge.
- Wittfogel K.A.* (1959). *Oriental despotism: A comparative study of total power*. New Haven: Yale University Press.